

Радостное событие

Знакомые позывные советских радиотанцев...

Вчера страна вновь услышала по радио музыкальную фразу, в которой каждый узнал слова: «Широка страна моя родная...»

Широка! И по необъятным просторам страны разнеслась весть: Советское правительство и Центральный Комитет большевистской партии приняли Постановление о новом, четвертом снижении государственных розничных цен на товары массового потребления. Советские люди восторгались в цифрах, за которыми стоит их труд и творчество, их воля и безграничная любовь к Родине.

Цифры... Если вдуматься, то поймешь, какие громадные достижения народного хозяйства кроются за ними, какая великая мудрость политики большевистской партии обуславливая их.

Сегодня мы снова вспоминаем слова товарища Сталина, сказанные им в речи на собрании избирателей 9 февраля 1946 года: «Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары...»

Слова товарища Сталина никогда не расходятся с делом.

Уже в конце 1947 года, когда страна только залечивала раны, нанесенные ей войной, успехи нашего социалистического хозяйства дали возможность Правительству изменить карточную систему. Снижение цен в декабре 1947 года дало выигрыш населению в течение года в сумме около 86 миллиардов рублей; от второго снижения цен в марте 1949 года население выиграло в течение года около 71 миллиарда рублей; от третьего снижения в марте 1950 года советский народ получил прибыли не менее 110 миллиардов рублей.

От нынешнего, четвертого снижения цен советский народ получит 27,5 миллиарда рублей чистой прибыли. А если учесть, что в результате нового снижения государственных розничных цен понизится цена и на колхозном рынке, то советский народ получит дополнительно чистой прибыли еще около 7 миллиардов рублей.

Итак, в результате четвертого снижения цен советские люди — строители коммунизма, благодаря неустанной работе большевистской партии о благосостоянии трудящихся, получат свыше 300 миллиардов рублей чистой прибыли.

Этот архаичный социализм!

Социалистическое хозяйство, направляемое мудрыми указаниями вождя, достигло огромных успехов в повышении производительности труда и снижении себестоимости продукции. Именно в результате этого стало возможным новое снижение цен. Оно приведет к тому, что еще более возрастет покупательная способность советского рубля; еще более повысится курс его по сравнению с курсом иностранных валют; произойдет дальнейшее серьезное увеличение реальной заработной платы рабочих и служащих.

А в колхозном секторе? Там снижение цен приведет к дальнейшему серьезному повышению благосостояния колхозников, сильно сократятся их затраты на покупку вновь сниженных в цене промышленных товаров.

Такое возможно лишь в нашей стране! Товарищ Сталин учит, что только в условиях социалистического хозяйства «развитие производства почитается не принципом конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципом планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся».

Все для советского человека — этим и только этим ознаменовано Советское правительство, наша большевистская партия!

Мы развернули гигантскую стройку на Волге и Днепре, на Дону, в пустынях Туркмении. Мы воздвигаем величественные сооружения. Вся страна занята тем, чтобы преобразовать природу.

Человек строит и думает о разрушениях. Человек, создавший богатства для общества, не помышляет об убиствах. Человек, двигающий вперед культуру и науку, не бует ее уничтожать. А советские люди строят, создают богатства для общества, двигают вперед культуру и

науку. Им незнакомы войны, их природа чуждо порабощенные другие народы, им неведомы захватнические планы.

Мы любим свою Родину! Она являет картину расцвета творческой энергии миллионов и миллионов людей, она показывает всему миру пример дружбы, она указывает всем живущим на земном шаре, какими путями надо добиваться счастья для всех, кто трудится.

С глубоким удовлетворением граждане Советского Союза восприняли бегство товарища Сталина с корреспондентом газеты «Правда». В ответах вождя воплощены мысли и чувства всего народа, могущество нашего отечества, его воля к миру.

И в то время, когда над советской страной звучат знакомые позывные радиотанцев, возмещающие о новом радостном событии, там, в США и в странах Европы, правительства которых бесовенно продали себя американскому империализму, там десятки миллионов людей страдают от голода, от безработицы. Там что ни день, то растут да растут цены на продукты.

Вот факты. Совсем недавно английские газеты взбесились о новом снижении норм выдачи продуктов трудящимся, о дальнейшем росте цен. Так, «Дейли экспресс» сообщает, что только в течение января 1951 года цены на продукты и товары первой необходимости возросли в среднем более чем на 14 процентов.

Во Франции, согласно статистическим данным, опубликованным газетой «Монд», цены на продукты питания в течение 1950 года повысились на 18 процентов.

В Италии в конце января все печать отмечала резкое повышение цен на ряд продуктов и предметов широкого потребления. Например, за растительное и за животное масло итальянский рабочий платит теперь на 25 процентов дороже!

А в Америке? В первой декаде февраля, даже по официальным сведениям статистического агентства «Дан энд Бредстрит», цены на продовольственные продукты были выше на 21 процент по сравнению с ценами, существовавшими к началу войны с Кореей. И последнее известие — 27 февраля американское Управление стабильности цен издало новый приказ, разрешающий дальнейшее повышение розничных цен.

А заработная плата трудящихся в США систематически понижается. Простой, трудовой люд Америки нищенствует, голодает, томится в поисках работы, а корпорация «Юнайтед Стейтс стил» кадет в 1950 году в сейфы 215 миллионов долларов чистой прибыли, на 50 миллионов долларов больше, чем в 1949 году; компания «Интернэшнл харвестер» получила в 1950 году почти 70 миллионов долларов; компания «Юнион карбид энд карбон корпорейшн» получила в 1950 году 124 миллиона долларов, на 26 процентов больше, чем в 1949 году. Химический трест «Дюпон де Немур» за первые три квартала минувшего года заработал почти 219 миллионов долларов; сталый трест «Рипаблик стид корпорейшн» за тот же период украл у народа 57 миллионов долларов. Доходы же всех американских корпораций в минувшем году составили 23,5 миллиарда долларов.

Вот как выглядят их факты, их разбойничьи арифметика!

Еще два десятилетия назад товарищ Сталин говорил: «Нужно признать, что система хозяйства, не знающая, куда девать излишки своего производства, и вынужденная их сжигать в момент, когда в массах царит нужда и безработица, голод и разорение, — такая система хозяйства сама производит над собой смертельный приговор».

Близится час исполнения этого приговора. Обреченный на гибель империализм пытается удешевить демократии, удушить жизненный уровень трудящихся, уничтожением миллионов и миллионов молодых людей удержаться, спастись. Во имя этого трутены и чертили в притупленной бешеной злобы готовят новую мировую бойню. Но силы мира крепнут с каждым днем. Они растут и ширятся во всех странах, ибо повсюду на земле есть люди доброй воли, не желающие кровопролития, стремящиеся к миру и к прогрессу.

Сегодня у советских людей большой праздник. Новое Постановление Советского правительства и ЦК ВКП(б) означает собой новый шаг вперед нашей страны — оплотна мира и справедливости. А каждый успех Советского Союза — это вклад в общее дело борьбы за мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (2743) Четверг, 1 марта 1951 г. Цена 40 коп.

СТРОЙКИ КОММУНИЗМА

Там, где будет синее море...

С высокой прибрежной кручи вся станция Цимлянская видна, как на ладони: наверху, на бурых уступах глинистого крутояра, будто грачьи гнезда, притупленные призматичные, обрубленные засажеными деревьями домишки, а внизу, за белой перекосью, выстроились вдоль берега добротные, с крепкими «низами», деревянные казачьи дома, двухэтажные, крытые железом и черепицей здания районных учреждений, магазины, амбары, склады.

Еще ниже, изрезанное ледяными извилинами реки Цимлы и кривыми, поросшими гнилой камышью ериками, голубеет обширное займище, на котором в ясный морозный день хорошо видны места, где совсем недавно стояли хутора Шаркинский и Средний. Ионов и Тимохин, Болачерский и Челобин, станицы Терновская, Карнауховская с их садами, лезадами, веревочными зарослями, подосками дикого терновника по окраинам.

Сейчас это бескрайнее займище пусто. Люди ушли отсюда еще в прошлом году, потому что тут пролегла водная трасса будущего великого канала. Колхозники увезли с собой дома, угнали скот, выкопали и увезли на гору виноградные кусты...

Мы со вторым секретарем Цимлянского райкома партии Георгием Максимовичем Богатыревым едем по безлюдному займищу. С хрустом давя на колесах тонкий ледок, машина несет по узкому просяку. Слева и справа видны остатки глинистых стен, с которых при нашем приближении лениво поднимаются стелющиеся коршуны.

Как быстро лichtet все без человека! Не успели уйти с займища люди, а уже понырнувшие язовые сады густо заросли рыхлыми бурьянами, уже снесены в разрозненных усадьбах использованные зачехленные трапы, уже по тропинкам развороченных фундаментов, приносивших в пахучим зачехленным садам, бродит отощавший за зиму огненно-красный лоскут...

— Вот, — торжественно говорит Богатырев, — запомните все, что увидели. Мы с вами едем по дну будущего моря. Как только строятся возведут плотину, сюда хлынет вода. Она наведет затопит все, что тут останется, и займище исчезнет под водой. Может, только водолазы и увидят его когда-нибудь...

Да, тут, в этих отдаленных за год местах, стоя среди безлюдных, припорошенных снегом садов, наблюдая, как в неярком свете зимнего неба парит потревоженный тобою коршун, вслушиваясь в то, как глухое гудение мерзлой земли повстает о том, что свернется ледьями глетчером, ты вдруг по-особому точно начинаешь понимать исполняющую силу соблазнов человеческих рук...

Мы поднимаемся на бур. За песчаными косогорами льдет лед. Оттуда доносятся звонкий перестук топоров, визжание пил, далекие пыльные трактора.

— Лес вырубает, — прислушивается Богатырев.

— Зачем?

— Как зачем? — удивляется Георгий Максимович. — Не оставлять же его на дне морском, он нам пригодится.

— Должно быть, жалко было людям покидать насиженные места? — спрашиваю я.

— Конечно, жалко, — залучиво говорит секретарь райкома, — тут они родились, тут умирали их отцы и деды... Знаете, какие тут у нас колхозы были? Красота!

Он умолкает, а потом, улыбаясь, трогает меня за рукав:

— И все же колхозники охотно согласились на переселение, потому что правительство создало им прекрасные условия. Любой станичник получал от государства деньги не только за перенос дома, но и за самую малую хозяйственную постройку — за погреб, за колодезь, за базок. Оплачивалась каждая яблонька, каждый куст винограда. Знаете, какие деньги получили наши переселенцы? Вот, к примеру, колхозник Пригоров из хутора Блуданова получил двадцать три тысячи пятьсот рублей, колхозник Лахмытов из станицы Маркинской — больше двадцати тысяч рублей. И так каждый переселенец.

Броме того, государство давало дополнительные стройматериалы, предоставляло льготный транспорт. Только один колхоз имени Орджоникидзе получил за перенос своего построек около миллиона рублей...

— Да, условия действительно отличные.

— Еще бы! Но это еще не все. Советское правительство на два года освободило переселенные колхозы от всех видов госпоставок. Присланные государством архитекторы спланировали новые станицы, до которых нашим старым хуторам, как до звезды небесной, далеко. Вот, вернемся в райком, я вам покажу архитектурный план новой станицы Цимлянская, вы увидите, что это значит...

Пока мы едем по безлюдному займищу, Георгий Максимович рассказывает об укрупнении переселенных колхозов, о помощи инвалядам войны и вдовам фронтовиков, которых опекает сельсоветы и колхозные правления. Он говорит о работе лесозащитной станицы, о новых партиях тракторов, о весеннем севе, обо всем, что волнует и радует район.

— А знаете, какую тяжелую и сложную работу выполняли наши виноградары? — повторяется ко мне Георгий Максимович. — Вель огромные массивы совхозных виноградников оказались в за-

топяемой зоне. Их надо было спасти, пересаживать куда-нибудь наверх. И тут, должен вам сказать, заколебались даже самые опытные люди: махнули рукой и говорят, что, дескать, старые кусты не выдержат пересадки и зачахнут. Кое-кто из агрономов предупредил нас, что опыт с пересадкой не удастся, что любителям добрых лоскых вин надо навеки вычеркнуть из своего ассортимента прославившееся по всей мир «Цимлянское игристое»...

— Ну и что же?

— Представьте себе — удалось! — радуется секретарь райкома. — Мы уже пересаживали тысячи кустов лозаного, цимлянского черного, шампанька, пуляковского, пачетника. Люди ухватились за каждый кусток, как за ребенка: осторожно подрыли глубокие корни, бережно укладывали кусты в автомашину, везли в новые места, а заранее подготовленным увлажненным ямам и высаживали в грунт. Потом, весной и летом, каждый куст поливали, следили за его развитием, лечили от всяких болезней...

Глаза Георгия Максимовича теплеют, и он закончивая, обоготченно выдыхает:

— Труд людей не пропадет даром. Наши зеленые переселенцы отлично прижились на горных землях и обещают обильный урожай...

Уже в сумерки машина влетает в станицу Цимлянскую и останавливается у дверей райкома партии. Мы поднимаемся на второй этаж. Из окон на лестничной площадке видны крыши соседних домов, оглобли в Думе колхозника, спущенные по улице казак и казачка с ящиками, мешками, лопатами, пачками.

— Также готовится к переселению, — поглядывая в окно, говорит Богатырев. — Наша районная станица должна быть переведена на полтора десятка километров, почти к самой плотине. А тут вода поднимается до самой черновой макушки, все затопит...

В небольшом кабинете на втором этаже жарко натоплено. В чистую выделенной пестре льдет огонь. Люди сидят, растеряв ладьяки и вороты гимнастерок. Пока Богатырев, присев к столу, беседует с посетителями, я просматриваю аккуратно райкомовскую папку с множеством писем.

После того как правительство опубликовало постановление о Волго-Донском канале, сюда, в Цимлянский райком ВКП(б), стали поступать письма со всех концов Советского Союза с просьбами и заявлениями о желании лично участвовать в великой стройке коммунизма.

Я перебираю страницы писем, читая в полевые штемпели на разноцветных конвертах, и передо мной встают лица незнакомых мне, но близких и простых советских людей, которые за тысячи километров опущутся то молча, что совершается в древней цимлянской пойме, и видят чудесный заграничный лень нового Прильня. Все они — шофер-красноармеец Сергей Арабажи из Молотова, электромеханик Вантин из Архангельской области, арматуро-бетонщик Рожков из Кемерово, коммунист-плотник И. И. Соколов из села Усох, Брянской области, — пишут об одном и том же: о предоставлении им возможности работать на знаменитой станице Цимлянской и о желании ехать в Цимлянскую.

Целая группа моряков-гвардейцев пишет из далекого Владивостока:

«Срок нашей службы в Военно-морском флоте истекает, и мы хотим принять самое активное участие в строительстве Волго-Донского канала, этой важнейшей стройки коммунизма. Мы не боимся никаких трудностей и готовы на все ради претворения в жизнь поставленной товарищем Сталиным задачи. Мы надеемся, что наша, приобретенная во флоте профессия будет нужна славному коммунистической стройке». Письмо подписано гвардией старшинами 1-й и 2-й статей Дмитриевым, Шинкаренко, Сосекиным, Лесниковым, Передним, Фальковым и многими другими.

— Вы знаете, господин премьер-министр Эртиль, — как бы говорит писем наших доблестных моряков. — Мы, гвардии старшины, как и все советские люди, как и наш испытанный мудрый вождь, думаем не о войне, а о мире, и хотим создать в цимлянской долине новое синее море, чтобы принести человечеству не кровь и смерть, а жизнь и счастье...

А вот письмо коммуниста Карпова, живущего в Болшеве, под Москвой. Почти тридцать лет тому назад Карпов уехал из родных мест. Но сейчас, лично не зная секретаря Цимлянского райкома ВКП(б) Петра Дмитриевича Лукина, он решил написать ему о своих переживаниях.

«Нынешним летом, — пишет А. И. Карпов, — я хочу приехать в станицу Цимлянскую, чтобы познакомиться с родными местами на займище: озерами, лугами, ериками. Вместо этих маленьких озер почти через год там засинеет море, а через несколько лет на его берегах вырастут буные леса. Мне не жалко ни озер, ни ериков, но хочется проститься с ними, потому что со всем этим связана моя жизнь»...

Далее А. И. Карпов пишет о своем отце, старом большевике, которого в 1918 году за станицей, в балке, возле вальцовых мельниц, расстреляли белогвардейцы.

Он завершает свое письмо пожеланием, чтобы где-нибудь на другом берегу нового моря, так, чтобы было видно со всех сторон, поставили высокий памятник цимлянским красногвардейцам-дружинникам и отважным советским танкистам, которые в 1942 году героически сдерживали у станицы бешеный натиск фашистских полчищ.

«Пусть этот памятник веками напоминает людям о борьбе за советскую власть, за социализм, за величайшие стройки коммунистической эпохи, за то, чтобы человек был свободен, могуч и счастлив»...

Поздно вечером Георгий Максимович Богатырев и третий секретарь райкома Петр Андреевич Коротков показывают мне архитектурный план новой станицы Цимлянской.

На глянцево-мерцающей бумаге изображены улицы будущего районного центра, просторные площади, зеленые бульвары, парки и скверы, стадион, светлые школы, кинотеатр, магазины. Визну помечены приморский пляж, лодочные причалы, красивая пристань. А еще ниже — прозрачно-голубой лазурью легко и тонко отшумевана безбрежная гладь будущего моря...

— Наши люди говорят, что все это похоже на волшебный сон, — тихо смеется Коротков. — Но мы уже заложили основы новой станицы, уже перевезли первые дома туда, к морю.

Он так и говорит — «к морю», хотя моря еще нет, и оно только на плане голубеет солнечной сверкающей ширью.

— Утром поедем посмотрим эти места, — заканчивает Коротков.

После восхода солнца мягко покачиваясь на затвердевших выбоинах дороги, «Победа» мчит нас к правому крылу строящейся Цимлянской плотины.

Розово искривится в степи сыпучий снег, морозный ветер гуляет над займищем, стрекочет в заиндевелых дуплах лесопосадки вездесущие сороки.

Машина останавливается на горе, неподалеку от того места, где еще недавно стояла ныне переселенная в степь станица Куманская. На бурой плетине холма виден одинокий свежесыпанный столб, укреплений на основной треноге.

— Это будет край плотины и начало моря, — говорит Богатырев.

— А вон, на горе, — добавляет Петр Андреевич, — виден ряд домиков. Это первая улица новой станицы. Она стоит на самом берегу...

Хотя ни берега, ни моря еще нет, Коротков опять говорит так, словно возле домиков на горе уже шумят морские волны.

— Там не видно ни одного деревца, — роняю я.

— Как же не видно? — выплывает незнакомый голос. — Уже насадили молодых, снегом их пригорули, соломкой укрыли.

Мы оборачиваемся.

Рядом с нами стоит высокий старик в добротном полушубке, лесной шапке-ушанке и валенках. Его бодрое, обветренное лицо строго, но живые глаза ласково прищурены.

— Я сам отсюда, есть деревца, — повторяет он с усмешкой, — и яблонька есть, и вишни, и груши. Все насадили люди, и дома свои краше прежних поставили, и убрают их вроде как в праздник. Море встретит хоть...

Мы прощаемся и идем.

На широком займище, повята утренней дымкой, раскинулась панорама стройки. До самого горизонта вытянулись тут темные дамы энергопоездов; с медлительной силой поворачивают длиннейшие стрелы шагающие аскаваторы, — они, точно великаны-пиклопы, ходят по широкой долине, взрывают, перекапывая тяжеленные груды промерзшей земли; мягко устремляясь от речного ложа к горе, лежит, желтея леском, гигантское тело плотины, к которой со всех сторон протянуты черные линии трубопроводов; а дальше, насколько хватает глаз, видны большие краны, тяжело ползущие по гальке бульдозеры; чуть заметен край котлована, в котором высятся чуло строительного искусства — бетоновозная асталка с взметнувшимися к небу ортастальными кранами; мы видим, как всюду, по всему займищу, в разных направлениях мчатся тяжело нагруженные самосвалы, как ладно и споро работают тысячи одетых в стеганки и короткие полушубки люди.

— Это она и есть, наша стройка, — с гордостью говорит Богатырев.

Здесь, на этой открытой зимним ветрам горе, возле простой и суровой деревянной отметки я, так же, как Коротков, как старик в ушанке, как множество других людей, вдруг наяву увидел то, что будет завтра в зарытой, потроженной, бурой от копоти, неутомимо гуляющей долине.

Сквозь дымы и морозную мглу я увидел теплый весенний день, ласковое солнце в чистом небе, зеленую крошку молодых лесов, светлые дома с уютными виноградными террасами и... море. Ясное, синее, оно нестерпиво сверкало, струило мягкую голубизну, и на его безбрежной глади, оглашая холмы и долины победным гулком, торжественно плыл белый, как лебедь, красавец-пароход.

Пароход подходил к гранитной пристани, и его встречали радостные, сильные, веселые люди-строители, те самые, что трудом своим, сердцем и руками своими свершили предначертанное Сталиным великое дело преобразования родной земли...

Станица ЦИМЛЯНСКАЯ-на-ДОНУ

МИР БУДЕТ ЗАВОЕВАН!

За Пакт Мира

ГЕРМАНИЯ. От имени 35 тысяч жителей Лейпцига окружное правление Союза демократических женщин Германии приняло резолюцию. Предлагаемая, содержащаяся в Обращении Всемирного Совета Мира, говорит эта резолюция, отвечает стремлениям всех честных людей. Не может быть ни одной женщины, которая от всего сердца не приветствовала бы требований Всемирного Совета Мира.

Лейпцигская организация Союза демократических женщин Германии поставила перед собой задачу — немедленно начать сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира и опубликовать первые результаты сбора в Международной женский день.

«Мы требуем мирных переговоров»

АНГЛИЯ. Участники городской конференции сторонников мира, созванной на днях в Манчестере по инициативе местного комитета защиты мира, единодушно приняли следующую резолюцию: «Мы осознаем, что вооружение Германии усилит угрозу войны, и обязуемся сделать все от нас зависящее, чтобы не допустить этого гибельного шага».

Во время одного из заседаний конференции группа лиц, подлежащих призыву в армию, прошла через центр Манчестера, неся плакаты с надписями: «Мы не должны сотрудничать с нацистскими военными преступниками!». «Мы против вооружения германских пингвинов!». Жен и матери резервистов несли плакаты с надписями: «Оставьте наших мужей и сыновей дома». «Мы требуем мирных переговоров».

«Пошлите Трумэна и Дьюн в Корею»

США. В дни заседания исторической сессии Всемирного Совета Мира в ряде городов Соединенных Штатов Америки были созданы новые организации, выступавшие против политики правительства США, направленной на развязывание новой войны. Филадельфийская организация «Граждане против вооружения Германии» обратилась к жителям города с призывом создавать в районах, профессорах, перках комитеты борьбы против милитаризации Западной Германии, направлять протесты, резолюции и делегации конгрессменам.

Проводимые многотысячными газетными опросы общественного мнения свидетельствуют о растущей оппозиции американского народа внешней политике вьетнамских кругов США. 60 процентов лиц, опрошенных газетой «Чикаго дейли ньюс», возражают против призыва в армию 18-летних юношей. Против посылки американских войск в Европу высказалось почти 70 процентов опрошенных. Газета приводит типичное письмо инициатора — ветерана войны, который пишет: «Пошлите в Корею Трумэна, Дьюн и всех поджигателей войны и верните домой наших парней». Простые люди США одобряют решения Всемирного Совета Мира.

Стоять на своем посту!

БОЛГАРИЯ. С огромным воодушевлением и радостью встретили болгарские трудящиеся, общественные и политические деятели, люди науки и культуры Обращение Всемирного Совета Мира к пяти державам о заключении Пакта Мира.

«Болгарские люди науки и все трудовая интеллигенция, — заявил президент Академии наук Болгарской народной республики Тодр Павлов, — полностью одобряют резолюцию Всемирного Совета Мира. Вместе с Всемирным Советом Мира мы призываем всех миролюбивых граждан поддерживать требования о заключении Пакта Мира между великими державами. В знак непреклонной воли к миру наша Академия наук уже приняла меры к успешной деятельности в защиту мира и предложила всем своим научным институтам и научным работникам выступить с лекциями, статьями, лекциями, посвященными вопросам мира».

Нет никакого сомнения в том, что прощеские слова великого Сталина о том, что война не является неизбежной, полностью оправдаются, если мы все до одного будем твердо стоять на своем посту, всемерно укреплять нерушимую дружбу с великим Советским Союзом и странами народной демократии».

Улица Леси Украинки

ТБИЛИСИ. 28 февраля. (По телеграфу от нашего спец. корр.). Улица Украинки многие годы жила в Грузии, скончалась в постеле Сурами. В ознаменование 80-летия со дня ее рождения постановлением исполкома Тбилисского городского совета одна из улиц центральной части грузинской столицы названа именем великой украинской поэтессы.

27 февраля в клубе писателей состоялась встреча местных литераторов с делегаткой ЦСР Украины, приглашенной в Грузию для участия в вечерах памяти Леси Украинки. Открывший встречу Г. Леонидзе приветствовал гостей. От имени украинской делегации выступил Д. Босарик.

М. Бажан, П. Воронько, Я. Шпорта, тепло встретившие присутствующих, прочли свои стихи и прочли грузинским писателям подарки — книги: «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели в переводе на украинский язык М. Бажана, произведения грузинских писателей, взятые на украинском языке, сочинения Тараса Шевченко и Ивана Франко.

Грузинские поэты Г. Абашидзе и А. Гомонашвили поздравили собравшихся со своими переводами стихов Леси Украинки. Стихи, посвященные Советской Украине, прочли П. Гриншвили, П. Ношевили, Х. Берулава. На вечер выступили также друг юности Леси Украинки престарелый Нестор Гамбарашвили, участник партизанской войны на Украине Герой Советского Союза Д. Баградзе, поэт С. Палияшвили, Р. Маргариан, С. Зуди и другие.

У ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРИЛАВКА

ЭТТИЛ: — Своим снижением цен они окончательно обесценивают мой товар!!! Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

ЧУВСТВО НОВОГО

Всеволод Витальевич ВИШНЕВСКИЙ

Острое чувство нового в жизни и борьба за него для художника немалы без поисков новых путей в искусстве.

Когда бы предки в давние столетия Любили старину, как ты сейчас,— Кто создавал бы памятники эти, С которых ты теперь не сводишь глаз!

Строки эти принадлежат Геворку Эмину, армянскому поэту, пафосом лучших стихов которого является чувство нового.

Станотворение «Другой архитектуры», которое я цитировал, направлено против эстетского лубования прошлым и против конкретных носителей этих взглядов в среде некоторых армянских литераторов, против людей, которые находят больше красоты в далекой древности, чем в суровой, живой и мощной каутине нашей действительности. И в то же время станотворение это — именно благодаря своей злобности, горячей непосредственности отклика — философично. В нем — дилектика истории, поэтически выжженная. И именно потому, что в своем творчестве Г. Эмин борется за новое в жизни своего народа, это его творчество, приобретает широкий интерес. Так воплощаются в творческой практике молодого армянского поэта горьковские слова о том, что лучшие литераторы братских республик работают «...не только каждый на свой народ, но каждый — на все народы Союза социалистических республик...»

Чувство нового не только во связано для нас с уменьшением значения вековой культуры прошлого, но, наоборот, только оно и способно сделать живой и плодотворной преемственностью этой культуры. Поэт выразил это так:

Бухенвальд вырос с Веймаром рядом!
Ты на помощь меня призывал!
И со мною навстречу снарядам
Шел твой Эмонт сквозь огненный шквал.
(Вольфганг Гёте)

Да, мы наследники Гёте по праву. И это право было подтверждено великой правдой, которую мы принесли народу Германии, да и не только Германии: Знаю, судьбы сплелись все народы С нашей правдой и с нашей судьбой. Два стрелка из моей третьей роты Похоронены рядом с тобой.

В этом стихотворении Эмин показывает и другое качество нашего понимания преемственности культуры. Культура — не только груз накопленных национальных ценностей, — вся культура принадлежит передовому человечеству. Реакционеры и мракоты в ней всегда непричастны, вне зависимости от их национальной принадлежности. В сознании человечества ни на какое-то время может утратить право наследования культуры, если влом с Веймаром выстают бухенвалды, и почитать его, когда, говоря словами поэта, внуки Гёте откажутся быть палачами.

Также стихи обогащают чувства. Глубоким мыслям соответствует благородная форма, ярко проявляющая изюм.

И строчил автомат мой без пауз,
Чтоб бессильна была «фауст-пагроз»,
Чтоб склонился над книгой Фауст...

— говорит поэт. Самое соседство этих образов резко подчеркивает разницу между двумя видами отношения к культуре: у ванпостов с «фаустом» связано орудие уничтожения, у нас Фауст — символ вечного стремления к познанию, к раскрытию тайн природы. «Культура» смерти и культура жизни.

«Я хозяин жизни», — говорит Эмин в стихотворении «Мое дело». Радостно прислушивается советский человек к тому, как пробивается молодая трава, как шумит вода в полном канале, с волнением замечает он каждый изменение к новому в творимой им действительности.

«Новое знание надело крышу,
Клен молодой достал провала.
Г. Эмин, «Новая дорога», стихи, «Советский писатель», 1950, 138 стр. Ред. И. Симонов.

Как хорошо!
Я хозяин жизни,
Труд мой — в цветении жизни всей,
Есть мое место
в моей Отчизне,
Где я ни буду —
я нужен ей!

Сознание своей нужности в жизни рождает чувство ответственности: «Я — в будущем! Будущим тем счастливым все меряю в жизни — и жизнь свою». Коммунизм — «мое дело». Это отличное стихотворение, мастерски переведенное М. Луконным, заслуженно открывает сборник. Первые строки его афористичны:

Я так выхожу из своего дома,
Как будто
вхожу
в свой дом...

Трудно более точно выразить мысль о единстве общества, о единстве семьи советских народов.

Настоящее поэтическое открытие всегда обусловлено открытием в самом жизненном содержании. Именно сама жизнь, показанная, как писал Л. Н. Толстой в письме к Г. Русанову, «с новой, необычайной и полезной людям стороны», делает неповторимым произведение искусства. А жизнь человека — это и борьба, и труд, и творчество, и любовь.

В книге Эмина значительное место отведено любовной лирике.

Стихи о любви редко появляются в последнее время. Давно пора разобраться, между тем, в причинах этого странного явления. Разве эта тема перестала волновать людей? Разумеется, нет. Просто она, эта сложная тема, «переплетаясь не раз и не пять» (Маяковский), может быть и не личной, и не мелкой только тогда, когда она в не меньшей степени, чем другие темы, будет раскрывать по о вое в этом вечном и прекрасном чувстве. Поэзия любви не терпит деклараций. Ей, в той же мере как и самой любви, нужны единственные слова, а для этого нужен большой талант, способный найти эти слова. Работа над этой темой трудна еще и потому, что ныне вульгаризаторы-критики зачастую ханжески боются стихов, в которых от первой до последней строчки горюется о любви, и только о ней. Люди эти забывают, очевидно, что без этого чувства нельзя —

...в борьбе и полете!
Если не верите,
как без него вы живете?
(Г. Эмин)

Беза очень многих стихов на эту тему вовсе не в том, что в них отсутствует прямая я связь с общественной (а то и с производственной) характеристикой героя, как думают некоторые критики, а в том (и именно за это такие стихи в надо критиковать), что самое чувство любви выступает в них либо как инверсионное, «переплетаясь не раз и не пять», либо по самому настрою души чуждое нашему времени, — болезненное и большое, эгоистичное и самовольное.

В любовной лирике Г. Эмина нет еще органического сплава личного чувства с чувством времени. Они существуют в большинстве случаев отдельно. Таким стихам, где чувство любви выражено в форме не новых и даже довольно ветхих сентенций, кажется мне: «Мы с другом», «Первый снег», «Вотним столько лет».

Но наряду с подобными стихами в любовной лирике Эмина мы находим своеобразное, истинно поэтическое решение этой темы («Мило дома», «Обиделась ты», «Открытия», «Робкая весна»). Последнее стихотворение психологически тонко передает чувство беспокойства героя. Персональная весна в образе девушки «радужноцвет», ити ли ей дальше. Лунавый юмор, а за ним — тревожное ожидание.

Послушай! Не принято так у нас,
Сказала: «Приду», — значит надо притти...

В разделе «Цвети, моя Армения!» поэт ставит Ролпу, сегодняшнюю советскую Армению. Гордость советского человека «живым наследием» общих дел народных питает патриотизм поэта.

Отчизна — не только земля под ногами,
А счастье, которое строим на ней.

Говорить о жизни новое, сделать «главным» в жизни восприятие «завтрашнего» — ответственнейшее дело. Оно требует громадной выдержки и силы воли.

К сожалению, порой риторичность и многословная беспечность этих стихов Эмина нарушает это требование («Москвы», «На улице Ленина», «Октябрь» и другие). Особенно много таких впадов, многословных стихов в последнем разделе.

Но всегда удовлетворительна работа и переводчиков, в целом проталанивших большую и очень ценную работу. Вот, к примеру, стихотворение «На улице Ленина» в переводе Е. Николаевской и П. Снеговой:

С ним в атаке, в сраженьи, на смерть
мы ходили,
С ним мы в самых жестоких боях
победили.
В нем не только на счастье чудесное
право,
В нем твой подвиг и долг, — это трудная
слава...

Тут и тавтологическое многословие — вечный враг художественности («В атаке, в сраженьи, на смерть мы ходили») и балбашность эпитета («жестокие бои», «чуждое право»), и скудность рифмы («слава» — «право», «ходили» — «победили»), и вялость ритма, и трескучая риторика. Все — руга об ругу.

Многословие особенно заметно в переводе В. Зяглицевой короткого стихотворения «Другой архитектуры». На три строфы палили двукратное смысловое повторение: «Я тоже лань былому отлаю» и «Я, как и ты, люблю краю былого». Мысль здесь топчется на месте. Поэтическое движение приостановлено.

С другой стороны, в переводе выпала важная мысль поэта. Вот как она звучит в стихотворении: «Я тоже люблю наши старинные памятники. Когда-то они для меня тоже служили шитом, когда о новых памятниках я не умел писать». Переводчик это место более чем приблизительно:

«Я тоже лань былому отлаю,
Поэт (?) в нем прежде черпал
...вдохновенье,
Но я сегодня не о том пою.

А между тем принципиально важна мысль о том, что изображение старого часто служит шитом для не выливших в жизни нового и не умеющих об этом писать. Уточняя в переводе и другая не менее важная мысль: «А ты копаешь старые могилы и любишь только мошамин...» Значит, и в переводе может интересовать в разное! В переводе же В. Зяглицевой непереведенное «Я тоже лань былому отлаю» стирает грань между здоровым пониманием традиций поэтов и эстетическим гробоватством «любителей древности».

Думается, что по самому характеру дарования Эмина ему ближе все же такие поэты, выступившие в этом сборнике переводчиками, как М. Луконин и М. Максимов. Лучшими кажутся мне переводы М. Луконина («Мое дело», «Простые люди», «Открытие»), Я. Смелякова («Будет ли мир»), М. Максимова («Вольфганг Гёте», «Баллада о правдивом слове»), Л. Мартынова («Робкая весна»).

Следует подчеркнуть (это уже видно из сказанного выше), что автор этой в целом хорошей книги оказался не до конца требовательным к себе (а редактор — к автору) в отборе стихов для нее. Если бы отбор был строже, то и сама книга стала бы строже и строже.

Вскапательность и еще раз вскапательность. Это должно стать девизом талантливого, умного поэта, пишущего своим путем, любящего в жизни новое. А долг переводчиков — помочь в этом поэту.

Умер Всеволод Витальевич Вишневский, один из крупнейших писателей нашей страны, отдавший все свое большое дарование художника советскому народу, борьбе за коммунизм.

В. В. Вишневский родился в 1900 году. В первую мировую войну четырнадцатилетним подростком он ушел на фронт. В годы гражданской войны Вишневский сражался в рядах Красной Армии на Балтике и на Волге, принимал участие в героических рейдах Первой Конной.

В 1929 году В. В. Вишневский написал пьесу «Первая Конная», поставившую его в первые ряды советских драматургов. Основная тема его творчества — гражданская война, народ и партия. Для выражения этой темы В. В. Вишневский со всей страстью революционного художника искал новых, наиболее впечатляющих форм. Его пьесы «Последний решительный» и «Оптимистическая трагедия» пропущены героическим пафосом.

Фильм «Мы из Кронштадта», поставленный в 1933 году по сценарию В. В. Вишневского, вошел в золотой фонд советской кинематографии. В 1938 году В. В. Вишневский опубликовал обширный «Мир, русский народ».

В. В. Вишневский был неразрывно связан с Советской Армией и Военно-Морским Флотом. С первых дней Великой Отечественной войны В. В. Вишневский был на Балтийском флоте. Он написал пьесу «У стен Ленинграда». В качестве военного корреспондента газеты «Правда» В. В. Вишневский участвовал в победном наступлении советских войск на Берлин.

В своих публицистических произведениях писатель гневно бичевал поджигателей новой войны — американско-английских империалистов, активно боролся за мир.

Последнее произведение В. В. Вишневского — пьеса «Незабываемый 1919-й» явилась вершиной его творчества. Это произведение с большой силой запечатлело подвиг народа, руководимого большевистской партией, гениями революции Лениным и Сталиным. В 1950 году за пьесу «Незабываемый 1919-й» В. В. Вишневскому была присуждена Сталинская премия I-й степени.

От правления и партийного комитета Союза советских писателей СССР

Правление и партийный комитет Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещают о смерти выдающегося советского писателя, лауреата Сталинской премии, заместителя генерального секретаря ССП СССР, Всеволода Витальевича Вишневского и выражают соболезнование семье покойного.

Гроб с телом покойного устанавливается 1 марта, в 2 часа дня в Центральном доме литераторов (улица Вороньковского, д. 50). Гражданская панихида — 2 марта, в 2 часа дня.

Письмо ленинградских писателей в редакцию «Литературной газеты»

Сообщение о преждевременной смерти известного русского писателя, драматурга и поэта Всеволода Витальевича Вишневского глубоко печалит нашу писательскую общественность, в которой он проявил свою литературную молодость, в которой созрел как мастер литературы, с которой в тяжелые годы войны и блокады дела все трудности и невзгоды. Его смелые, бодрые, призывные речи подымали боевой дух ленинградцев. Его «Незабываемый 1919-й», связанный с нашим городом, с именем вождя нашей партии Сталина, вершина его творчества, — поистине незабываем.

Светлая память о нем навсегда сохранится в наших признательных сердцах.

А. Т. Чивилихин, А. Ф. Попов, В. Ф. Панова, Е. И. Катерли, В. А. Кочетов, В. М. Саянов, М. А. Дудин, А. А. Прокофьев, Г. И. Мирошниченко, О. К. Матушнина, О. Ф. Бергольц, В. Б. Азаров, И. К. Абраменко, Б. М. Лихарев, Д. А. Леоновский, П. И. Капца и др.

От Министерства кинематографии СССР

Министерство кинематографии СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти талантливого советского писателя и кинодраматурга Всеволода Витальевича Вишневского, последовавшей после тяжелой болезни 28 февраля в Москве, и выражает свое глубокое соболезнование семье покойного.

От Славянского Комитета СССР

Славянский Комитет СССР с прискорбием извещает о преждевременной кончине члена Славянского Комитета СССР писателя Всеволода Витальевича Вишневского.

От Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти крупнейшего советского драматурга, лауреата Сталинской премии Всеволода Витальевича Вишневского, последовавшей 28 февраля 1951 года после продолжительной тяжелой болезни.

От редакции журнала «Знамя»

Редакция журнала «Знамя» с большой скорбью сообщает о смерти талантливого советского писателя, верного сына коммунистической партии Всеволода Витальевича Вишневского и выражает соболезнование его жене Софье Касьяновне Вишневцевой.

От Совета Центрального дома литераторов

Совет Центрального дома литераторов с глубоким прискорбием извещает о смерти заместителя генерального секретаря правления Союза советских писателей СССР, председателя совета Центрального дома литераторов, лауреата Сталинской премии писателя Всеволода Витальевича Вишневского и выражает соболезнование семье покойного.

Вл. Дыховичный, М. Слободской

ФЕЛЬЕТОН

Тише! Идет работа!

Картинка с натуры

Звонкое московское утро. Горожанин выходит из дому, и улица встречает его своей веселой и деловой разноголосицей. У самого тротуара, на остановке, два троллейбуса протуртуются электроточескими голосами. Возле задней машины, поймав о графика, гудками потарахивают первый троллейбус. Дальше, поблужав урча, пронесется красно-желтые автобусы. Напомнило в басовито повизжал, они обогнали своих привязанных к проводам электрических собратей. По центральной части улицы легко бегут лакированные «Победы». ЗИМы, ЗИСы. При встречах они приветствуют друг друга заторными сигналами или обидливо повизгивают на тормозах. Грохочущий грузовой с прицепной тележкой сворачивает в переулок, и связанные из земли копыта выгнувшись железных балок начинают брызгивать по бляжистой мостовой свой инстинктивный благовест.

Красиво, неправда ли? А теперь обратим внимание на звуковую часть этой симфонической картинке. Попробуйте, как пишут в школьных учебниках, подчеркнуть в исполненном отрывке части речи и члены предложения шумового характера. И вы быстро увидите в том, что реалистическое описание города в наше время требует, главным образом, громыхающих ползущих, гремющих и скрежещащих определенных и утрированных звуковых.

Шумно в городе! Шумно в домах, где в слышную гулкую улицу легко проникающему сквозя стучит, побивающая дзыл и скрежет лифтов, чиняние насосов отопления, чинное жужжание вентиляторов, стук станков ветряческих мастерских, расплозшиеся в нижних этажах, в помещенной в-решетка вечно включенных радиоприемников.

— Шумно у нас! — как сказал нам переживший в новый дом знакомый рабочий-каменщик.

Да, шумно! Шумно свех всякой нормы!..

Вредные фоны

А нормы есть. В советской научной литературе величину шума принято выражать в так называемых фонах — единицах ощущения его человеком. «Безопасная» граница ощущения звуковых колебаний — 120—130 фонов. Установлено, что шум свыше 65—70 фонов вреден для человека. В жилом помещении допускается уровень шума 30—35 фонов.

Эти научные нормы, теория. А вот практика:

А вот практика:

По вашей улице прошел трамвай — 70 фонов.

Словно пулеметной очередью, хлестнув мотоцикл без гашетника — 90 фонов.

У подъезда остановилась персональная «Победа», и возитель настойчивыми сигналами вызывает задержавшегося пассажира. Исполнительный похвост? Нет — источник шума в 100 фонов!

Два часа ночи. За стеной вашей комнаты соеет ветропалачи. Неважно, сколько лет соседу, важно, сколько лишних фонов ислетает самодельный хор его гостей.

Лешние, вредные фоны преследуют жителей крупных городов, обступают их со всех сторон.

Города наши бурно растут. Все гуще становится поток автомобилей, троллейбусов, автомашин. Маленькая фабричка и мастерские, котормым взыскано селиться в жилых домах, отказываются от полукалорийного ручного труда и обзаводятся станками и прессами. Радиоприемники можно встретить в каждой квартире.

Растут города, растут и техника, растут благосостояние людей и их запросы. И это очень хорошо.

Но растет и городской шум. И это очень плохо.

Москва. Кольцо «А». На разных участках его при помощи специальной аппаратуры был измерен шум. Вот данные: 1935 год — максимум — 62, 72, 75 фонов, минимум — 42, 42, 46 фонов. Через десять лет, на тех же участках: максимум 80, 72, 75 фонов, минимум — 62, 60, 63. Пусть максимум возраст не очень сильно (хотя всюду он выше нормы), но минимум зато поднялся на пять-десять фонов. Шум стал плотнее, гуще, непрерывнее.

А Сретенка, Бауманская и Добрынинская площади, Красные и Кировские ворота и прочие «громкие» районы! Здесь шум доходит до 93—95 фонов.

Музрено ли, что загроможденный шумом горожанин подает сигнал бедствия!

Спасите наши уши!

Но спасать надо не только уши. Шум вреден для человеческого организма. Доказано, что длительное воздействие шума отражается на деятельности нервной системы.

Шум снижает производительность труда в очень значительной степени.

В кабинете врача, рядом с фабрикой «Красное селеное», измерили шум.

— Что вы слышите? — сердце больного или это гулание? — спросил акустика.

— Старую привычку, — ответил врач. — А какая норма?

— Для врачебного кабинета — не больше 25 фонов.

А там было 80 фонов — второе большое порки!

Многое можно и должно сделать для борьбы с лишними, вредными фонами.

Зеленые и насаждения и поглощают звук. Они могут снизить шум на 10—15 фонов, то-есть порой довести его до нормы.

Конструкторы и инженеры достаточно вооружены для решительной борьбы с производственными шумами. В их распоряжении — замена вибрирующих металлических частей машин частями из пластика, звукопоглощающие кожухи, шиты и перегородки, переделка фундаментов, смягчающие шум прокладка и многое другое.

Советские органы, миллионы ОРУД соединенными усилиями вполне могут утихомирить уличное движение. Тут и переход с булыжника на асфальт, и усовершенствование укладки трамвайных рельсов, и правильное распределение транспортного потока, и наконец, жесткие запретительные меры: не пользоваться резкими сигналами и вообще не сигналить без крайней необходимости, не ездить с открытыми глушителями, не выпускать из парков и автобз машины с неистово дребезжащими частями и т. д.

Работники санинспекции, Горздрав и коммунального хозяйства обязаны осуществлять контроль над шумными предприятиями в жилых домах и требовать либо выселения их, либо соблюдения шумовых норм.

Строители и проектировщики должны использовать звукоизолирующие материалы, планировать жилые кварталы в квартыры так, чтобы они были не только красивыми и благоустроенными, но и тихими.

Сами горожане, рядовые жители в п.п. холосте, вполне могут вести себя тише, не выходя, например, из рамок постановления Моссовета, которое запрещает с 12 часов ночи до 8 часов утра крики, песни и танцы, включение радио в прочие веселые способы нарушения тишины.

Опекаторский трубак, имеющий привычку творчески расти по почам, должен все же помнить о нормах социалистического общежития!

То же — и любитель уличного радио. Он должен помнить, что во-первых громыхающее из его приемника справедливо и оптимистическое утверждение радиосепси «спомнит нам рановато...» в реальном тлау утра звучит несколько двусмысленно.

Нужно помнить о правилах взаимного уважения. А забывчивым колжам напомнить об этой милиции управомо, комитет доброты при домоуправлениях.

Кое-что делается во всех этих направлениях. В Москве, например, систематически изучаются моторы; поляя зелень ставит прервать звуку на многих магистралях; выявляются новые, бесшумные трамваи; ОРУД на некоторых улицах развивает анал, запрещающие водителям сигналы; санинспекция по отдельным

жалобам жильцов (но только по жалобам) призывает в порядок некоторые шумные участки: милиция кое-кого штрафует заострыми нарушениями тишины.

Но все это пока лишь «кое-что», «кое-где», «кое-когда» — отдельные, далеко еще не достаточные, разобщенные меры и усилия.

1/2 единицы

В борьбе с шумом пока парят кустарщина и разбег.

Научно-исследовательской работой в этой области должны в Москве заниматься: Центральный научно-исследовательский санитарный институт имени Эрисмана, акустическая лаборатория Института строительной техники Академии архитектуры СССР, Московская санитарно-эпидемиологическая станция, Институт гигиены труда и профзаболеваний, акустическая лаборатория Физического института Академии наук СССР, комиссия по борьбе с шумом Министерства путей сообщения и т. д. и т. п.

Пока все эти уважаемые учреждения без единого плана, дубляруя друг друга, ищут способы борьбы с шумом, по московским домам и предприятиям ходит один-единственный работник санитарно-эпидемиологической станции тов. Плдохухин с кустарным шумоизмерительным прибором своей конструкции и с весьма ограниченными правами...

Сам тов. Плдохухин юрлячется представлять собой половину штатной единицы: своей работой он занимается только по совместительству.

Пока строители, архитекторы и работники промышленности стройматериалов шумят, обвиняя друг друга в том, что забыли звукоизолировать в новых красивых и благоустроенных домах на Песчаной, кто-то включает репродуктор, и через все стены и этаж слышны многозначительные в лапном случае слова хора из «Риголетто»:

— Тшше, тшше, не шумите...

А строительная акустика до сих пор — пасмык на строительных вузах.

Нет настоящего внимания к проблеме борьбы с городским шумом.

1.

Федор ПАНФЕРОВ

С какой волнующей теплотой Алексей Максимович Горький всегда вспоминал о том, как на первых порах помогал ему овладеть творческим мастерством Копелев! Пожалуй, и это сыграло свою роль в том, что Алексей Максимович Горький, как только заработал право на помощь молодым литераторам, стал плодотворно и любовно помогать им. Алексей Максимович помогал молодым литераторам с самого начала своего пребывания в центре тогдашнего литературного мира, помогал им в жизни на Бапти. И особенно широким потоком рукописей начинающих писателей хлынула к Алексею Максимовичу те годы, когда он вернулся из-за границы в Москву. Здесь, в стране Советов, под умелым руководством Алексея Максимовича вошла в литературу целая плеяда талантливых писателей, имена которых теперь известны не только нашим читателям, но и читателям других стран.

Да и кто из крупных писателей в прошлом не имел своего учителя, друзей, которые поддерживали его советами, вдохновляли на труд!

Память о таких учителях, таких друзьях навсегда остается священной.

Разве Федор Галахов может забыть о той творческой помощи, какую оказал ему Алексей Максимович Горький? Разве Константин Федин, Леонид Леонов и многие и многие ныне известные писатели могут забыть о мудрых советах, о бережном, любовном отношении Алексея Максимовича Горького к их творчеству?

Алексей Максимович Горький помогал расти писателей еще и потому, что знал — литература никогда не создавалась одиночками, что гений А. С. Пушкина расцвел во всей своей мощи на основе того гигантского творческого труда, какой свершила его предшественница. Пушкин вырос в себя все переломное, лучшее из созданного предшественниками, и на основе этого, на основе глубочайшего знания жизни, культуры своего гениального предшественника, указавшим новым путем к расцвету литературы.

Талант Л. Н. Толстого расцвел не на необитаемом острове.

Алексей Максимович Горький стал гласиском не только благодаря своему могучему таланту.

Литература всегда создавалась и создается широким потоком.

Но если в былые времена такое неизбежное явление капиталистического общества, как конкуренция, создавало разрывность литературного потока, то в советской стране создается в среде писателей иные отношения: социалистический строй упреждает эгоизма, конкуренцию, погоню за славой «только для себя». В условиях социалистического строя писатели впервые в истории почувствовали себя коллективом, полностью ощутили заботу общества о себе и свою ответственность перед обществом.

Если в капиталистическом обществе даже ограниченная возможность творчества была доступна только избранным — писателям, художникам, ученым, акторам, — социалистический строй разбудил огромные творческие силы в среде рабочих, колхозников: стахановцев в промышленности, передовиков в сельском хозяйстве уже не являются труженниками только физического труда. Нет, стахановцы сумели соединить труд физический с умственным, т. е. овладеть новым видом труда — творческим трудом.

И вот у них-то, у передовых стахановцев, у допозданных творцов нашей действительности, у коллективов рабочих, колхозников, нам, литераторам, надо многому учиться.

Присмотритесь к передовому заводу, передовой фабрике, передовому колхозу, посмотрите процесс труда коллективов, их методы воспитания кадров, и вы увидите, что в литературе всего этого в полной мере пока нет. Присмотритесь, посмотрайте, как рабочие коллективы, колхозники выступают передовыми стахановцами, передовиками социалистических полей, как они все помогают ему овладеть тем или иным заданием, как они общественно поддерживают его, как они по-товарищески открыто и страстно критикуют его, когда он спотыкается или вдруг отравляется от коллектива. Все это коллективами рабочих, колхозников делается не только во имя славы одиночек, даже когда эта слава вполне заслуженная, но, главным образом, во имя единой цели: больше и лучше дать продукции на фабриках и заводах, больше и лучше вырастить урожай на полях. И как они все ориентируются на то, что продвинули на заводе, фабрике в этом году лучше и выше, нежели в прошлом году, урожай на полях выше, лучше, чем в предшествующую осень.

Вот всему этому и надо нам, литераторам, учиться у рабочих и колхозников. Учиться умело, любовно выискивать писателей во имя могучего движения единого радостного потока советской литературы.

2.

У нас имеются толстые журналы: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Звезда». Мы все признаем, что толстые журналы являются своеобразными кузницами творческих кадров Союза советских писателей. Мало это, редакторы толстых журналов почти все члены секретариата Союза советских писателей... а, однако, секретариат занимается журналами так же, как занимается своим делом плохая пожарная команда: сносит, игнорирует в шапку... Видно, забывает, и ставит лопатку в землю, не выходя из нее.

В данном случае я выражаюсь, быть может, грубо и резко, но, право же, иногда лучше сказать грубо и резко, чтобы попытаться исправить дело. В практике работы секретариата Союза писателей нередко бывает так: вот в том или ином журнале обнаружилась беда, сейчас же собирается заседание секретариата; на секретариате долго говорят об этой беде, бурно критикуют тех, кто в беде повинен, затем создают комиссию по выработке ре-

волюции... и после этого все тонет, как кипичок в омуте.

А ведь в журналах ведется (и, главное, должна еще шире вестись!) большая и нужная работа по выращиванию и воспитанию молодых писателей, да не только молодых, а подчас и пожилых. В журналах за эти годы накопились огромный опыт, но этот опыт ни один журнал с другим не делится, как делится опытом фабрики, заводы, колхозы.

Например, журнал «Новый мир» опубликовал роман Василия Азаева «Далеко от Москвы». Всем известно, что перелом, как опубликовать роман, редакция «Нового мира» довольно основательно поработала вместе с молодым автором этого произведения. Но как они работали, в чем выражалась их помощь автору? Об этом никто не знает. То же самое можно сказать о работе редакции журнала «Знамя» с Галиной Николаевой, автором романа «Жатва», о работе редакции журнала «Звезда» над первыми появившимися на его страницах повестью Сергея Антонова.

Можно привести и примеры обратного порядка: журнал «Новый мир» опубликовал повесть Шебунина. Вся печать отметила, что повесть сырая, явно незаробота, неверно трактует ряд важных вопросов. Но почему же редакция журнала «Новый мир» не обратилась в редакцию журнала «Октябрь» и не спросила, почему «Октябрь», заключив с автором договор и дав ему командировку на Магнитку, все-таки отказался публиковать повесть в том виде, в каком она была опубликована в журнале «Новый мир»? Редакция журнала «Октябрь» ответила бы главному редактору журнала «Новый мир» так: «Автор повести, увлекшись производственными процессами, техникой, в сущности, написал повесть для себя, а не для читателя. С автором сделано бы как следует поработать год, а может быть, два, дабы он смог все написанное им бросить в котел и творчески переработать и создать произведение уже не для себя, а для читателя».

Другой пример: журнал «Октябрь» опубликовал плохо отредактированный роман А. Черкасова. Было ли это внутреннее редакционное оправдание? Оказывается, в середине работы заболел, выбыл из строя литературный редактор. Но почему при этом должен страдать молодой писатель? Ведь не делается же прищипка под романом, дескать, извините, товарищи читатели, за небрежность: литературный редактор у нас заболел.

Еще один вопрос, связанный с недостатком товарищеского внимания к человеку, к писателю и с недостатком чувства коллективной ответственности за работу каждого из нас.

Может быть несколько лет крупнейший писатель нашего времени Михаил Александрович Шолохов. Почему? Видно, любимыми нашими читателями Михаил Шолохов в своем творчестве столкнулся с большими трудностями.

Кто из нас занимается тем, чтобы помочь тому или иному писателю преодолеть трудности? Да почти никто! Почти никто не интересуется творческим столом писателя, а представляет себе на минуту, что на заводе, фабрике или в колхозе передовой стахановец вдруг перестал выходить на работу. Да ведь весь коллектив возмущался бы!

За последние годы у нас стали созывать писательские творческие конференции. Слов нет, начинание это очень хорошее; на конференциях и молодые писатели, и писатели старших поколений знакомятся с творчеством друг друга, обсуждают произведение каждого, каждый получает творческую зарядку... Но закончилась конференция, люди разъехались по домам, и все кануло: никто глубоко, по-серьезному не взял на учет даровитых участников конференции, никто не следит за их творческим столом... и многие из них после такой конференции, после уже состоявшегося широкого творческого обсуждения рукописей, — заново, как будто в их жизни ничего не произошло, начинают вместе со своими произведениями ходить по издательствам, журналам, поначалу к тому же нарывается на равнодушных рецензентов, которые не приносят им ничего, кроме везла.

Повторю: я говорю резко потому, что пора Союзу писателей, редакция толстых журналов, издательствам, в том числе и «Литературной газете» перестать заниматься заселательской суетней и серьезно заняться творческим столом писателей, особенно творческим столом молодых литераторов.

3.

В работе журнала «Октябрь» было немало ошибок, в чем реколлегия не раз признавалась в печати. В то же время, когда мы недавно пытались подбодрить нашу работу за последние годы, выяснилось, что за четыре послевоенных года авторские произведения, опубликованные на страницах журнала, получили 16 Сталинских премий. Выяснилось также и другое обстоятельство, что из 16 авторов, получивших Сталинские премии, 12 прозаиков, 2 драматурга и 2 поэта. Реколлегия в своем нынешнем новом составе заинтересовалась этим, поскольку естественно, что эти цифры в значительной мере отражают уровень работы в разных отделах журнала. Выяснилось, что отдел прозы вел с авторами постоянную, неплохую организационную творческую работу; отыскав в огромном потоке рукописей талантливого, хотя еще далекого от совершенства автора, работники отдела прозы вызывали его, беседуют с ним, указывают ему на достоинства и недостатки рукописи, творчески помогают, прикрепляя к нему опытного литератора, создают обстановку для работы, помогают материально, связываются с соответствующими учреждениями области, просят соответствующие организации помочь данному автору. И при

этом ведут с автором работу над его произведением неторопливо, основательно, иногда и год, и два, и три. В настоящее время, например, авторский коллектив при отделе прозы работает над сороба пятой произведением. Это значит, что редакция журнала «Октябрь» заранее думает об обеспечении своего плана на 4—5 лет. И особенно интересно то, что поток рукописей даровитых писателей, особенно молодых, не прекращается, а увеличивается. А теперь спросим себя: в чем же дело? Почему, существующий под одной крышей с отделом прозы, таким образом оказался отдел поэзии? Дело в том, что руководители отдела поэзии до сих пор не занимались творческим столом поэтов, не помогали поэтам познавать жизнь, отыскивать нужные большие темы. Может быть, у нас нет в стране даровитых поэтов? Нет, это неверно. Возьмем для примера хотя бы молодого поэта Николая Тряпкина. Уже несколько лет Тряпкин пишет лирические стихи, в которых есть немало недостатков, но в то же время в них присутствуют и талант, и волнение. Но этого мало. Поэт живет в колхозе, и перед ним лежит огромная тема наших дней. Эта тема — укрупнение колхозов. В среде колхозников произошел такой великий культурный поворот, который убрал колхозников, что им жить вне больших сел, вне разбросанных колхозных городков становится трудно: им нужен театр, нужна библиотека, нужна школа, нужны кино, нужны хорошие жилищные условия, нужны чистые улицы, нужны тротуары, нужна коллективная жизнь на новом, более высоком этапе.

Разве нельзя Тряпкина или другого даровитого поэта, вдобавок еще находящегося в гуще колхозной жизни, натолкнуть на эту историческую тему? Да разве вообще не работает над крупными темами? Работает! И если бы отдел поэзии занимался не только составлением списка имен поэтов, чем он так старательно занимается все эти годы, но в первую очередь интересовался бы творческим столом поэта, тем, над какими темами работает поэт, могла бы им преодолеть творческие трудности, обеспечив бы им творческую командировку, то тогда поэзия на страницах журнала «Октябрь» не выглядела бы так убого. И надо добавить, что это в той или иной мере относится не к одному лишь «Октябрь».

За эти годы, — а журнал «Октябрь» существует уже двадцать восьмой год, — в отделе прозы выработались свои методы по работе над произведениями молодых и пожилых писателей.

Писатель — начинающий или не начинающий — должен быть в первую очередь талантливым. Это обязательство. Как машина без колеса не может двигаться вперед, так и литератор без таланта ничего не создаст. Но и талантливый писатель, особенно молодой, нужна коллективная помощь не только в смысле редактирования его произведений, но и в создании характеров действующих лиц, в раскрытии идейных глубин.

Сначала поговорим о редактировании. Отредактировать произведение того или иного молодого писателя — дело весьма сложное и ответственное.

Нам известно, что есть редакторы и «редакторы».

Настоящий редактор читает порученное ему произведение раз, и два, и три, изучает характеры действующих лиц, их взаимоотношения, соответствие написанного в важнейшими реальными фактами жизни, продумает всю структуру произведения внутренне, психологически, т. е. становится как бы соавтором, и только после этого приступает к редактированию данного произведения.

Самое страшное для молодого писателя — это когда редактор стремится помянуть, подравнять стиль автора под свой стиль.

Самое страшное для молодого автора — это когда редактор стремится пригладить язык автора, пригладить его по шаблону, существующему в парижко-берлинских.

Настоящий редактор отредактирует произведение молодого писателя, сохранив стиль, присущий данному автору. Настоящий редактор прекрасно знает, что произведение молодого писателя нельзя комкать, рвать на части, игнорить из него особенности данного автора, и знает еще и то, что иного даровитого автора надо крепко редактировать, т. е. выправлять фразы, изгонять провинциализмы, а иного автора надо, напротив, оберегать от подобной правки. Приведу пример: когда «то время еще не известный литературному миру писатель Михаил Бубеннов прислал в редакцию журнала «Октябрь» свои рукописи романа «Ветлая береза», то один из редакторов ее так отредактировал, что от стиля, присущего Бубеннову, почти ничего не осталось. Реколлегия, ознакомившись с этой редакцией, не согласилась с ней и поручила редактирование романа Бубеннова другому редактору, который бережно, творчески отнесся к стилю книги Бубеннова.

Горьковское внимание к молодым писателям, горьковская чуткость к талантливым произведениям, горьковская забота о создании широкого литературного фронта советской литературы — вот в чем заключается наш гражданский долг!

Мы советские, что, во-первых, секретариат Союза советских писателей обязан в ближайшее же время созвать реколлекцию всех журналов и поставить самый основной вопрос: как в журналах, в секциях, в комиссиях ведется творческая работа с молодыми да и с пожилыми писателями, поэтами, критиками; как ведется учет даровитых писателей, особенно тех, кто уже выявился и выявляется на творческих конференциях, дабы каждая редакция смогла выйти на трибуну предшествующей Всесоюзной конференции молодых писателей со своим предложением.

И что, во-вторых, редакция «Литературной газеты» должна открыть на страницах газеты широкие обсуждения тех или иных для нашей литературы вопросов, которых я коснулся в этой статье.

Советской литературе присущ дух историзма. Лучшие наши писатели стремятся раскрыть в художественных образах исторические закономерности и настоящего и прошлого.

Движение убедительно перелито в романе Мих. Соколова «Искры». Начало действия в романе относится к лету 1898 года. Заканчивает свое повествование писатель изображением памятных дней декабря 1905 года.

В первых частях книги большинство ее героев порядки, существовавшие в царской России, представляются неизбежными, и мысль о возможности изменения этих порядков, о политической борьбе даже не приходит им в голову. Проходит несколько лет — те самые люди, которые раньше и не помышляли о политике, поднимаются на борьбу против паразитов, против помещиков и капиталистов.

В нашей литературе еще очень немного таких произведений, в которых изображались бы широко и многосторонне жизнь и деятельность партии в октябрьский период. М. Соколов поставил перед собой задачу наглядно, образно показать, какой первоначальной исторической силой стала большевистская партия уже в первые годы своего существования.

Мих. Соколов выводит в своем произведении огромное количество действующих лиц, представителей различных классов и различных партий тогдашней России. Значительное внимание писатель уделяет обрисовке социально-экономической обстановки в деревне и в городе. В книге отражены важнейшие события эпохи — I и II съезды РСДРП, и русско-японская война, и «красное воскресенье» в Петербурге, и восстание на броненосце «Отеменль», и наский манифест от 17 октября 1905 года, и возникновение первых Советов рабочих депутатов, и декабрьское вооруженное восстание. Но «Искры» не становится от этого хроникой. Перед нами роман в точном смысле слова, произведение, в котором живут, страдают, борются, любят и ненавидят друг друга люди со своеобразными характерами, с присущими только им особенностями.

Советскую основу романа составляют взаимоотношения двух семейств — обитателей небольшого донского хутора Кундрючевка. Глава одного из этих семейств — Игнат Дорухов — бедный крестьянин, «мушкетер», как презрительно называли в революционные времена казаки «интеллигент». С добродушной простотой показывает писатель своего героя, который всю жизнь строит планы, как бы разбогатеть, но всегда оказывается у разбитого корыта. Колоритная фигура — глава другого семейства, казак-богач Невед Загоруйкин. Это необузданно гордый и жестокий эксплуататор и самозур, от деспотизма которого не вымучит и его собственным детям. Загоруйкин незаконно сгоняет Игната с арендуемой им земли и грабит его имущество. В ответ на это Леон Дорухов, сын Игната, пускает Загоруйкиным «красное перушко».

И вместе с тем обе семьи оказываются

Мих. Соколов, «Искры». Роман в 3-х частях. «Советский писатель», ред. А. Садовский, 1949 г. 958 стр.

Г. МАКОГОНЕНКО

Книга о поэтах-радищевцах

За последние годы появилось немало ценных историко-литературных исследований, которые на богатом фактическом материале утверждают новое, подлинно советское понимание классического наследия. К числу таких работ должны быть отнесены книги М. Нечкиной «Грибоедов и декабристы», Д. Благого «Творческий путь Пушкина», В. Ермилова о Чехове.

В 1950 году опубликован ряд новых исследований, продолжающих эту линию. Среди них следует отметить книгу Вл. Орлова «Русские просветители 1790—1800 годов». Это итог многолетней работы ученого. Здесь собран большой фактический материал, убедительно и красочно характеризующий один из мало изученных периодов русской литературы.

Руководствуясь ленинским учением о двух национальных культурах в каждой национальной культуре, Вл. Орлов стремится подчеркнуть и выделить прежде всего прогрессивные, демократические элементы в русской общественной мысли и литературе этой эпохи. В центре его внимания — небольшая группа поэтов, писателей, ученых, публицистов, объединенных в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств».

Это Иван Пнин — автор замечательного памфлета «Вопль невинности, отравленной законами», в котором он разоблачает безразличность крепостников, превративших дворянский брак в пингвиную куплю-продажу. В своих одах и стихах он выступил против «преподлого рабства», противопоставил рабу — Человека.

Василий Понугаев — ученый, писатель, публицист, поэт. Его перу принадлежат ряд произведений, среди которых следует отметить очерк «Негр», гневный и страстный протест против торговли и невольничества.

Иван Борн — поэт, призванный в «Оде Камиллестра» к борьбе против тирании.

На протяжении многих десятилетий дворянско-буржуазная наука замалчивала явления демократической литературы. Тем самым искажалась действительное содержание истории русской литературы, из нее выбрасывалось главное — ее связь с освободительным движением, демократизм, волянобозие. Советское литературоведение сделало много для развенчания ложных теорий, фальшивых историко-литературных схем. Но многие явления до сих пор изучены недостаточно. Одним из таких «неблагополучных» периодов является первая четверть XIX столетия.

Старое, лучшее от буржуазно-либерального литературоведения представление об этом периоде общезвестно: начиная с 90-х годов XVIII века в русской литературе утвердился романтизм. Во главе школы встает Карамзин. Ее окружают де-

ся тесно между собой связанными. Ишка, сын Поезда Загоруйкина, влюблен в Оксану Дорухову, а сестра Ишки Алена и Леон крепко любят друг друга.

Любовно-семейные отношения занимают в «Искрах» немалое место. По они не заслоняют социальной проблематики романа. По мере того как события разветвляются, все яснее становится, что классовые противоречия и политические антипатии имеют большую силу, нежели родственные связи и привязанности.

После позора Леон Дорухов вынужден покинуть Кундрючевку. Он попадает на шахты близ Новочеркасска, потом на крупнейший металлургический завод в Югорские. Его втягивают в нелегальные кружки, организуемые социал-демократами, он принимает участие в забастовках. К тому времени, когда Леон женится на Алене, он уже не прежний хуторской пареня, а рабочий-революционер, твердо решивший навсегда связать свою судьбу с партией. И вот выясняется, что, несмотря на любовь Алены к мужу, все интересы Леона, его внутренняя жизнь непонятны и глубоко чужды ей. Незадолго до этого в шахты вступает революционер Атамань боснякский! А босняк у моего отца в рабочниках ходит, а не в зятях состоит... Эти слова обусловлены всем развитием образа Алены, выражают его суть.

Леон Дорухов — центральный герой романа «Искры». Его пост, его записка находится неотступно в поле зрения автора. Первоначально кружок юности убого, оттого главных врагов своих он видит лишь в Нефеде да еще, пожалуй, в атамане Калпине, а протест его против гнета действительности проявляется только в бесплодной индивидуальной мести.

Но постепенно кружок Леона расширяется. И Мих. Соколов с большим художественным тактом и силой показывает: дело тут не только в том, что возрос роль и значение опыта Леона, — решающую роль в его формировании играет партия, ее принципы, ее идеология, созданная ею организация профессиональных революционеров.

Тепло и любовно даны в романе образы наставников Леона, стойких ленинцев — Луки Матвеевича и Чуркина. У них он учится мужеству и выдержке, умению разбираться в происходящих событиях, неукоснительно связывать каждый шаг в своей практической работе с великими целями, вытекающими из партии.

Леон в «Искрах» — типическая фигура рабочего-партийца начала века. С теми или иными изменениями его путь в партию повторяют и Ольга, и Ткаченко, и Выхриль, и Александров. Вообще показ пробуждения масс, пробуждение тех глубоких процессов, которые протекают в толще народных низов, — сильная сторона романа Мих. Соколова.

Во второй половине книги одной из главных ее тем становится шлейная жизнь партии — борьба искровцев и экономистов, а позднее — большевиков и меньшевиков. Писатель выразительно передает, как стремление осознать, теоретически осмыслить окружающую жизнь и законы борьбы вырастает и у Леона, и у других героев романа в жизненную потребность. Они ищут ответа на волнующие

их вопросы в трудах Ленина, в статьях и прокламациях Сталина.

«Не разрыв «экономистов» и меньшевиков», — говорится в классической работе товарища Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)», — мы не смогла бы построить партию и повести рабочий класс на пролетарскую революцию». Роман «Искры» содержит немало живых, впечатляющих иллюстраций к этому сталинскому положению.

Неуклонно проди ленинскую линию, не обольщаясь «конституционными иллюзиями», разоблачая предательские маневры меньшевиков, Леон и его друзья организуют боевые дружины, выступают на пути вооруженной борьбы против самодержавия. Леон становится председателем Югорского Совета рабочих депутатов, являющегося одно время фактической властью в городе. И когда в конце книги арестовывают Леона, Ольгу, Выхриля и других, это воспринимается, как проявление их дела. «Товарищи, выше голову! Революция продолжается!», — звучит в финале мужественный голос Луки Матвеевича.

Писатель Мих. Соколов создал значительное произведение, сочувственно встреченное нашими читателями. Но следует отметить, что роман написан неровно. Особенно это ощущается в последних частях книги.

Не все в «Искрах» до конца проумано, не все переведено на язык образов. Отсюда нечеткость в обрисовке ряда персонажей, повторение отдельных сюжетных ходов и растянутость романа, занимающего без малого тысячу страниц. Несомненно, его можно и нужно было бы построить экономичнее, компактнее.

Неоправданно то, что Леон, член забастовочного комитета на металлургическом заводе, убивает начальника цеха, инженера Галца, — это не только не нужно для развития сюжета книги, но и искажает образ главного действующего лица, у которого явно преувеличенное значение получают анархические, бунтарские черты.

Утомительное впадение производит описание семейной жизни Леона и Алены. Они без конца то расходятся, то снова сходятся, но при этом в отношениях их ничего ровного не изменяется. Автору так и не удается развязать этот узелок, и он его разрубает: Алена в последней главе... сходит с ума.

Неудачен образ Оксаны. Двойственность ее черт уже прямолинейно выводится из двойственности ее социального положения: по рождению она крестьянка, по положению — буржуазная интеллигентка (родители по бедности отдали ее на воспитание богатым людям). Оксана колеблется на протяжении всего романа, но в конце концов писатель приводит ее в лагерь большевиков, делает ее участницей баррикадных боев. Это недостаточное мотивировано в романе.

Роман «Искры» и в теперешнем своем виде представляет значительный интерес для читателей. Однако, думаем нам, его следует доработать: устранить имеющиеся недостатки, уточнить характеристики действующих лиц. Нет сомнения, что такая доработка потребует от Мих. Соколова большого творческого труда. Но труд этот полностью себя оправдывает.

любое предложение вещей, справедливо напомнил слова Чернышевского, писавшего в свое время, что эти споры «вообще не составляли такого сильного движения в тогдашней литературе, как думали».

В эпоху, когда романтизм ретиво защищал рабовладение, поэты «Вольного общества» продолжали традицию антирелигиозной борьбы. Они развивали радищевское понимание гражданской роли писателя, созданая в поэзии гражданско-героический стиль. Эти они подготовили политическую поэзию декабристов. Они выступили против дворянского космополитизма, проповедовавшего Карамзинизм и его эгоизма, опираясь на развитие Радищевым идей национальности и народности, которые были у него связаны с задачами освободительной борьбы.

Показав, как поэты «Вольного общества» героически боролись за традиции Радищева, Вл. Орлов именуем их радищевцами. Несомненно, чрезвычайно велика их заслуга в установлении преемственных связей с первым русским революционером. Но Радищев — революционер, и это было определяющим во всей его литературной практике. Поэты же «Вольного общества», даже самые радикальные из них, каким был, например, Понугаев, были все-таки далеки от революционной теории. Их просветительная ограниченность мешала им стать полными радищевцами. Вл. Орлов нужно было показать это отчетливее и яснее. Нельзя не отметить и еще один досадный промах. Рисую картину общественно-политической и литературной борьбы 1790—1800 годов, Вл. Орлов без нужды сузил свою задачу анализом творчества толь-то-то поэтов «Вольного общества». Естественно, эти поэты должны были быть в центре внимания исследователя, взявшегося писать об этих деятелях. Но нельзя было не упомянуть о явлениях, крайне близких к ним. В частности, непостижительно отсутствие упоминания о Крылове, живом носителе традиций русских просветителей XVIII века.

В исследовании М. Нечкиной и Д. Благого центральное место отведено изучению подлинно передовой литературы в 10-е и 20-е годы XIX века. Книга Вл. Орлова посвящена а начальному этапу формирования этой литературы. Наиболее крупные писатели «Вольного общества» справедливо рассматриваются автором, как связующее звено между просветителями XVIII века и декабристами. Вл. Орлов убедительно показывает, как Пнин, Понугаев, Борн, как другие поэты «Вольного общества» с конца 90-х годов XVIII столетия в течение полутора десятилетий несли знамя демократических идей, боролись против дворянской идеологии, против Карамзина и его эгоизма.

Вл. Орлов ввел в научный оборот богатый фактический материал, извлеченный из многочисленных изданий, замалчивавших буржуазной наукой, из архивов. Он показал, что традиционное представление о главном содержании литературной борьбы восьмидесятых годов, как о борьбе между шкотовцами и карамзинистами, неверно и упрощенно рисует истин-

О чем думает американский солдат

ДЖОН ФОНТЭНИ ОСКОЛОК И МЕДАЛЬ

Джон Фонтэни — молодой писатель из штата Иллинойс (США), ветеран второй мировой войны. Его стихотворение опубликовано в прогрессивном американском ежемесячнике «Массис энд Мейстрим».

Я потерял способность улыбаться
В долине Рейна, в дни моей весны,
Когда громовый рык богов войны
Лишил людей возможности смеяться.
Зато я получил вознаграждение —
Засевший крепко в позвоночник мой
Осколок стали Крупна небольшой
Из Дюссельдорфа по происхождению.
Я получил еще кусок металла —

Украсилась медалью грудь моя.
Осколок Крупна только в дождь меня
Сверлит, вливаясь в мозг и кость, как
жало.
Медаль же, как открывшаяся рана,
И ночью мучает меня и днем,
Когда осколки падают дождем
В долинах Нактонгана и Хангана.

Перевел с английского Евгений Блинов

Товарищ Сталин в беседе с корреспондентом «Правды», опубликованной 17 февраля, сказал, что американские солдаты в Корее воюют «формально, без веры в правоту своей миссии, без воодушевления», чему причиной тот факт, что развязавшую американскими империалистами «... войну против Кореи и Китая солдаты считают несправедливой...». Эта война является крайне непопулярной среди американских и английских солдат. «В самом деле, — говорит И. В. Сталин, — трудно убедить солдат, что Китай, который не угрожает ни Англии, ни Америке и у которого захватили американцы остров Тайвань, — является агрессором, а Соединенные Штаты Америки, которые захватили остров Тайвань и повели свои войска к самым границам Китая, — являются обороняющейся стороной. Трудно убедить солдат, что Соединенные Штаты Америки имеют право записывать свою безопасность на территории Кореи и у границы Китая, а Китай и Корея не имеют права защищать свою безопасность на своей собственной территории или у границы своего государства».

Американские журналы «Тайм» (1 января) и «Лайф» (15 января) опубликовали серию безымянных портретов американских солдат, воюющих против Кореи и Китая. Какое название, но великое подлинное изображение пропагандистских статей, ставящих собой один из этих лиц «неизвестных солдат» США, посланных в далекую, чужую страну, чтобы залить ее кровью и поработить, во имя интересов магнатов Уолл-стрит! Ни твое воодушевление, ни прощеская вера в правоту своего дела нельзя прочесть ни на одном из этих лиц, выбранных нами наугад из двух с лишним десятков таких же типичных солдатских физиономий, напечатанных журналами «Тайм» и «Лайф».

Да и комментарии, которыми оба журнала сопровождают эти портреты, по существу, признают факт чрезвычайной непопулярности войны в Корее среди американских солдат. «Тайм» теперь признает, что американцы «не стремились к этой роли (просто солдат)», что эта роль, «как бы ни уверяли их, что они сражаются за прогресс, или за свободу, или за спасение своих жизней, им все равно ненавистна». «Очень немногие американцы прибыли в Корею потому, что им хотелось воевать», — констатирует журнал.

В отличие от «Тайма», начатавшего наиболее характерные портреты, журнал «Лайф» заинтересовался исключительно... глазами американских солдат. На двух страницах он показал несколько пар глаз солдат, которым в декабре 1950 г. пришлось поспешно убраться из района Чхонсинского волевохранения. «Глаза людей, побывавших в этом аду», — комментирует журнал эти иллюстрации, — не оставляли приятного впечатления при встрече с ними вскоре после этого... На их лицах не написано страха или большой ненависти. Они сражались просто, чтобы прожить себе путь к отступлению, воодушевленные только надеждой остаться в живых».

Остается в живых — вот единственная мысль, с которой воюет американский солдат в Корее. И каждый из них понимает, что надежда на это слаба. Ибо, как сказал Сталин: «Если Англия и Соединенные Штаты Америки окончательно откажутся от мирных предложений Народного Правительства Китая, то война в Корее может кончиться лишь поражением интервентов».

По страницам печати

«Сабад неп» — Венгрия, «Галло» — Чехословакия,
«Работническо дело» — Болгария

Жизнь торопит писателей

Малоземельный венгерский крестьянин Хорват Жига мастеровал с давних пор. Земля не могла прокормить его семью, и он, закончив страду, бродил в поисках стальной работы.

А теперь работы, как говорится, по горло, — в новой Венгрии не найти района, в котором не было бы строительства. Жига стал столяром на государственной стройке в своем районном центре Матесалка.

Жил он попрежнему в деревне, не желая отрываться от земли, которую любил, и у народной власти, хотел учиться и там и тут. Психология мелкого собственника мешала ему стать настоящим рабочим и выполнять норму; не успевал он все сделать как следует и на своей земле. «Когда дождь мечется в разные стороны, — жалуются его жена, — повозка опрокидывается».

И верно, дело шло к тому, что «повозка» Жиги вот-вот опрокинется. Для этого быстро наделся «помощник» — правый социалист Варю, исполнитель действительный на стройке. Он восстанавливал Жигу против трудового соревнования, против строителей, охваченных производственным подъемом.

Но воздействие здорового коллектива рабочих, товарищеская критика и помощь просветили сознание Жиги. Он перестает «метаться в разные стороны», целиком отдает свои творческие силы стройке, становится ударником, переживает на постоянное жительство в Матесалка.

Такое содержание одноактной пьесы «Путь Хорвата Жиги».

Примечательна история этой пьесы. Как-то в Матесалковском районном Совете встретились драмкружковцы и учителя окрестных сел, чтобы обсудить вопросы культурной работы в деревне. Когда «кончилось это совещание, вынесенное решение о зимнем соревновании сел по культурной работе, — сообщает газета «Сабад неп», — местные педагоги во главе с Ковачем Лайошем задумались над тем, где наиболее слабые места в Матесалке. Они вспомнили слова товарища Ракоши о трудностях, переживаемых теми трудящимися, которые работают в одном месте, а живут в другом. Они знали 20—30 таких рабочих на местной национальной стройке, которых после работы ожидала дочка, где-нибудь в соседнем селе, участок в 6—9 холмов... Надо помочь. Поэтому педагоги написали скетч о Хорвате Жиге, нашедшем правильный путь».

На многих деревенских клубных сценах района ныне играют пьесы, написанные местными авторами с помощью сельских учителей.

В селах Папош, Фольешларош, Самошете и других драмкружки ставят пьесы осельской, показывающие борьбу за новую жизнь, за новую культуру деревни. Все они расписаны народными песнями, проникнуты оптимизмом. Правда, во многом они схематичны, порой шаблонны, но они политически актуальны, действительны, верно отражают поступок новой жизни, борьбу и победу нового над старым.

Замечательная инициатива венгерских сельских учителей, активно участвующих в культурной жизни сел, дополняется помощью сельским драмкружкам со стороны профессиональных актеров.

«Но, — замечает «Сабад неп», — очень сильно чувствуется отсутствие помощи со стороны писателей. Члены всех драмкружков надеются, что Союз писателей не оставит их без внимания, посмотрит, какой из скетчей смог бы лечь в основу пьесы для всей страны».

Так жизнь торопит венгерских писателей.

Подвиг Вацлава Свободы

«Дорогой товарищ президент! С радостью сообщаем Вам, что сегодня, 14 октября 1950 г., накануне краевой конференции защитников мира, я выполнил все задачи, поставленные передо мной пятилетним планом. «Я молодой человек, люблю свою жену и своего четырехмесячного сына. Я не хочу войны так же, как ее не хотят миллионы молодых людей во всем мире. Я видел фотографии из Кореи, знаю, какие преступления там совершают американские империалисты».

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

Я хочу отдать все свои силы победоносной борьбе за мир. Вот почему я превышаю нормы и улучшаю свою работу...
Вацлав Свобода.

Это письмо, с которым один из лучших токарей Чехословакии обратился к президенту Клементу Готвальду, приводит на своих страницах чехословацкий журнал «Галло».

Прошло совсем немного времени и теперь, как Вацлав Свобода поступил токарем на завод имени Георгия Димитрова. Молодой рабочий много читал, книги и опыт старых мастеров стали его помощниками и учителями. С особенной любовью, с подлинной страстью он изучал книги, в которых рассказывалось о методах работы советских стахановцев. Свобода хорошо знал имена москвича Лаула Быкова, ленинградца Генриха Борткевича и других советских новаторов.

«И вот, в один из ноябрьских дней 1949 года, — рассказывает журнал, — заводское радио разнесло весть о замечательном трудовом подвиге Вацлава. Во время ударной смены в честь Великой Октябрьской социалистической революции чехословацкий патриот осуществил давно уже лелеянный им замысел — он пустил свой станок на максимальное число оборотов. Почти 40 норм дал он в этот день в честь СССР. 40 норм для дела мира!».

Вацлав Свобода непрерывно обгонял время и сегодня работает над выполнением нормы 1954 года.

Имя молодого патриота стало одним из самых популярных в стране. Его примеру следуют сотни тысяч рабочих, ломающих старые нормы. И сам Свобода непрерывно обучает других рабочих своим методам. Недавно в издательстве «Рука право» 50-тысячным тиражом вышла его брошюра об опыте работы.

«Когда Вацлаву, — пишет журнал, — кто-то в шутку сказал, что ему следовало бы так устроиться, чтобы жить в том будущем, для которого он работает; в том будущем, где больше не будет угрозы войны и в котором будет жить его маленький Олег, Вацлав отрицательно покачал головой: «О, нет, я рад, что живу сегодня, что я один из тех, кто помогает создавать прекрасный новый мир... Великое счастье выпало на нашу долю жить в сталинскую эпоху, быть рядовым в строительной армии Клемента Готвальда».

Навстречу будущему урожаю

«Борьба за благоденствие», — так назвал свой очерк болгарский писатель Харалаз Русев в газете «Работническо дело».

«Изменился пейзаж Ломской долины. Во всю ширь полей, до самого горизонта, поднимаясь снегозадерживающие шиты... Крестьяне села Вылечерым корчуют пни и кустарники на участке в 6000 декаров. В селе Дряновец напавляют в новое русло реку, которая должна оросить 300 декаров луга. «Все зависит от нас», — говорят крестьяне».

Очерк писателя завершает страницу газеты, объединенную заголовком: «Мы не можем забыть милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Здесь напечатаны корреспонденции лучших представителей деревни, рассказывающих о применении опыта советских колхозов и достижениях советской агрономической науки в борьбе трудовых кооперативных земледельческих хозяйств за высокие подорожные болгарской земли. В них звучит сильное слово хозяина земли: мы не боимся неблагоприятных природных условий, мы преодолеваем их...».

«Мы с подругами, — пишет Петка Рангелова из деревни Камонича, — обязались получить 8 тонн томатов и 4 тонны перца с декара. Мы приняли эти обязательства, зная по опыту, что возможности повышения урожайности безграничны...».

Борьба за высокие урожаи, за избитые охватывала широкие массы крестьян Ломской долины. Во всех кооперативных хозяйствах долины создаются бригады высоких урожаев.

И, как пишет Харалаз Русев, кооператоры сумеют одержать победу над капризами природы:

«перевратят свои трудовые обязательства в тысячи вагонов зерна, режмы молока, горы шерсти и хлопка».

Обзор военных действий в Корее

Корейская Народная армия совместно с частями китайских добровольцев на всех участках фронта ведет бой с интервентами. Американские войска и войска сателлитов США, после неудачного январского контраступления, в середине февраля вновь попытались продвинуться вперед. Две недели продолжались яростные контратаки противника. Моторизованная пехота, танки, артиллерия, авиация, военные корабли — все было пушено в ход для достижения этой цели. В бой вступили три американских корпуса, войска сателлитов США и несколько лыснмановских лыжных. Но Народная армия и отряды китайских добровольцев отбили натиск врага. На всех участках фронта противник был отброшен назад.

В настоящее время на западном участке фронта бой продолжается на рубеже реки Ханган, а на центральном и восточном — в гористой местности в районе городов Хансон и Пхенчхан. На сообщения корреспондента агентства Рейтер с корейского фронта явствует, что 25 февраля войска интервентов наткнувшись на усилившееся сопротивление Народной армии.

Характеризуя ожесточенность боев в районе Хансона, корреспондент отмечал, что части корейской Народной армии и китайские добровольцы не только прочно удерживают выгодные высоты, но и предпринимали ночные контратаки. Сильный удар на днях нанесли войскам интервентов в районе Пхенчхана (к востоку от Хансона). Здесь было уничтожено, ранено и взято в плен около тысячи солдат и офицеров противника. Огромные потери США в Корее побудили сенатора Джонсона заявить 27 февраля в сенатском подкомитете по вопросам боевой готовности вооруженных сил США о том, что гибнет «цвет американской армии».

Стремление американской 8-й армии развить наступление на западном участке в направлении Сеула было парировано мощными контратаками Народной армии. По признанию агентства Рейтер, здесь в руках корейских народных войск находятся все высоты на берегу реки Ханган. На этом плане Народная армия успешно применяет танки. Все попытки американцев форсировать реку сованы.

Представители американского командования вынуждены констатировать, что, несмотря на большую концентрацию мотопехоты и боевой техники, их наземные войска оказались неспособными вести наступательные операции.

«Стратегия» из штаба Макартура пытается объяснить свои неудачи на корейском фронте... плохой погодой. Во всем виноваты, заявляют они, грязь и сыпучесть, образовавшиеся в результате тапшия снегов в горах. На совещании в штабе генерала Риджуэй, как сообщает парижское радио, приняты в выводу, что «изменение погоды в Корее представляет в настоящий момент весьма важный стратегический фактор». В то же время эти генералы беспокоятся, что части Народной армии и при этой погоде «в состоянии начать серьезные контрнаступления».

П. КРАЙНОВ

ИНТЕРВЕНТЫ НА ПУТИ К ПОРАЖЕНИЮ

Глубокий научный анализ современной международной обстановки, содержащийся в беседе товарища И. В. Сталина с корреспондентом «Правды», сделан в знаменательный момент. «Холодная война», которую с ранней весны 1946 года открыто повела против Советского Союза правящие круги США, приняла ныне оборот, начавший приводить в недоумение даже тех представителей воюющего империализма, вроде сенатора Тафта и бывшего президента США Гувера или влиятельного журналиста Уолтера Линмана, которые усердно похвалялись и провокаторское выступление Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года, и не менее провокационные возгласы президента Трумана в конгрессе 12 марта 1947 года о необходимости спешно вооружить Грецию и Турцию для защиты от «советских полчищ», якобы готовых валиться на них. 4 апреля 1949 года, при подписании агрессивного Северо-атлантического пакта, Труман и Ачесон громкогласно дали всему свету, что образованная коалиция непосредственно угрожает Советскому Союзу военными нападениями.

Казалось бы, по пути самого наглого разжигания воинственных страстей птти дальше некуда. Но нет. В июне 1950 года американские эмиссары оббегают Корею, провозглашают военные мотры на границе, провозносят речи в Сеуле, на острове Тайвань и в других местах, указывая с восхищением на то, что дисципленированные войска «врвуют в бой». Сам Ли Сын Ман не устае повторять, что Пхенчхан будет ваят через сутки после того, как в Сеуле будет огдан приказ об этом. И вот начинается долгая, свирепая война Соединенных Штатов против Кореи с прямой целью порабощения этой страны.

Изо дня в день буквально вся пресса Уолл-стрит, — начиная с «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибун» и кончая защитными газетками какой-нибудь Северной Дакоты, — «оирадывает» это злодейское нападение и те истинно-гитлеровские зверства, которыми оно сопровождается, желаям «проучить» не только Корею, но и Китай. «Проучить» их следует, оказывается, потому, что народы Кореи и Китая вылят в тесном сближении и дружбе с Советским Союзом необходимое условие прочности своего дальнейшего мирного существования и независимого развития.

Как реагировала дипломатия Советского Союза на переход американского империализма от приемов «холодной войны» непосредственно к методам разбойничьего нападения?

Советский Союз сохранил спокойствие и призвал к миру. Когда товарищ Сталин без малейшего отлагательства поддержал предложение Перу обсудить пути к прекращению кровопролития в Кореи, когда советская дипломатия и дальше не уступала ни одного случая покончить с этой в «аюм деле подлейшей воиной, то Советский Союз и его вождь непоколебимо следовали принципам ленинско-сталинской политики: предпринимать все возможное, чтобы предупредить военные действия там, где еще до них не дошло дело, способствовать в

Акад. Е. ТАРЛЕ

наибольшей степени их локализация и быстрейшему прекращению в тех случаях, когда кровопролитие уже началось. Нынешнее выступление товарища Сталина последовательно продолжает эту твердую и неуклонную линию, эту непоколебимую и ясную ориентацию на мир, которая дала ему, великому вождю советского народа, такой огромный моральный авторитет в глазах всего миролюбивого человечества. Народы верят, что вдохновляемый гением Сталина борьба за мир окажется в конечном счете не менее победоносной, чем смертельная схватка с фашистскими варварами.

Американская интервенция в Корее успеха за 8 месяцев пройти через несколько фазисов. Не раз слишком торопившимися и увлекательными деятелями из числа американских конгрессменов, «боссов» империалистической печати и гнетавшейся в государственном департаменте реакционной клики достойных соратников господина Ачесона, а также полудумными из штаба плаката Макартура распространялись оптимистические предсказания о скором «победоносном» конце затянувшегося «блиц-марша» по Корее. Но всякий раз эфемерные «победы» сменялись реальными тяжкими поражениями американских захватчиков и помогающим им в позорной авантюре многочисленных сателлитов.

И никогда еще это чертенное разочарование не было таким тяжелым, таким оскорбительным, как именно теперь, зимой 1951 года. Во-первых, потому, что ныне уже и американская печать не скрывает того, о чем давно говорила печать западноевропейская, а именно: в Корее воюет значительная часть всей американской армии. Во-вторых, потому, что Макартур и его сообщники никогда еще в своих интервью, заявлениях по радио и из пресе-конференциях не доходили до таких чудовищных, истинно анекдотических размеров хвастовства и вранья, как именно за несколько дней до нового разгрома и нового бегства их войск на юг.

Питом с большим удовлетворением публиковались многочисленные заявления американских генералов, вроде заявления генерала О'Донелла 18 января в Токио: «Мы сбросили в Корее 43 тысячи тонн бомб, которые причинили максимальные разрушения». 43 тысячи тонн бомб меньше чем за семь месяцев — это на 3 тысячи тонн больше, чем было сброшено на гитлеровскую Германию за весь 1942 год.

Внимание человечества давно уже приковано к жестоким неустачам, постигшим американских агрессоров в затейливой авантюре. Товарищ Сталин дает этому факту объяснение, которое с замечательной ясностью, яркостью и силой внутренней правды заставляет вполне реально понять — до какой степени то, что происходит в Корее, является истинно чудовищным преступлением не только против корейского народа, но и против народа Соединенных Штатов.

Все дело в том, что 43 тысячи тонн бомб — это одно, а сотни тысяч солдат — это совсем другое. Пустить в ход десятки тысяч тонн бомб можно при помощи совсем ничтожного количества потерпевших человеческую мораль наемников, но нельзя победить в современной войне, не имея ни малейшей возможности сколько-нибудь членаоразлично объяснить сотням тысяч солдат, за что они должны отдать свои жизни.

Ничего пошлее, глупее, гнуснее нельзя себе и вообразить, чем то, что пишется и говорится в Америке в газетах и брошюрах для солдат или в фильмах, демонстрационных в целях вербовки солдат. Пусто-поверхней болтовней о залхватках полчищ и развеседам жите-бытия в Корее пытаются прельщать рядовых американцев, призывая их к бою не на жизнь, а на смерть на другом конце земли во имя восточного наполнения и без того уже топающих бумажников уолл-стритских биржевиков и прочих макартуров как крупных, так и мелких.

Совершенно естественно, что те самые солдаты, которые, не падая себя, бились против гитлеровцев и на которых действовало очень сильно похваляба Геринга в том, что фашистская чума, заполонив весь мир, «окажет небескребами», не могут никак взять в толк, почему миролюбивый корейский народ тоже «чрезвычайно» для них опасен и его надо истреблять еще усерднее, чем это делали гитлеровцы с народами порабощенной Европы.

Теперь, когда слова И. В. Сталина дойдут через все препоны до американского народа, многие из воюющих американцев, продумав и прочувствовав их, поймут, что оскорбительны не военные неудачи, которые они испытывают, а то пренебрежение к их жизни, то насилле над их разумом и совестью, которое совершают бесчестные и алчные люди, сидящие вдали от сражений в своих клубах и конторах и подсчитывающие военные прибыли.

Весь мир давно уже знает, что каждое слово товарища Сталина полно глубокого значения. Если он предупреждает, что, пытаясь найти «разрешение» конфликта в продолжении военных действий, империалисты США неминуемо потерпят поражение, то это с логической неизбежностью вытекает из сказанного об основной причине неудач американских агрессоров — солдаты США и Англии считают войну в Корее несправедливой, выполняют свои обязанности без веры в свою правоту, без воодушевления.

Эксплуататоры и хищники, затеявшие разбойничью экспедицию в Корею и погнавшие туда людей, не желающих умереть за пополнение сейфов Уолл-стрит, захотят, очевидно, продолжать агрессию, как они ее вели и ведут до сих пор. Но нет сомнения в том, что народы возмут дело сохранения мира в свои руки. И тогда преступная клика биржевиков, плущая по пути войны, встретится с неприятными сюрпризами в горзодо более близком будущем, чем это ей кажется. Ведь слова нашего вождя уже столько раз оказывались пророческими!